

А.А. Илюшин

«Элегия» А.Н.Е<раков>у

Это позднее (1874) стихотворение, посвященное родственнику — мужу сестры поэта, кажется нарочито старомодным, подчеркнуто традиционалистским. Оно написано александрийским стихом (шестистопные ямбы с парной рифмовкой), как и стихотворение «Родина» 40-х годов, когда эта форма еще не воспринималась как рецидив далекого прошлого. Выдержано в высоком, торжественном стиле, дидактически-назидательно, насыщено мотивами, восходящими к поэзии прошлых времен. Некрасов отказался от мысли начать его следующим остроумным двустишием:

Старо, не правда ли, печь хлебы из муки?
Однако ж из песку попробуй, испеки!

Это двустишие удачно предваряло бы последующие строки, однако его некоторая смешливость не была бы вполне уместной в скорбном и величественном контексте всего остального. В результате начата «Элегия» так:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!

Это непосредственный отклик на лекцию известного филолога О.Ф. Миллера, в которой он утверждал, что Некрасов повторяется, продолжая варьировать исчерпанную им уже тему «страданий народа». Поэт возражает: нет, эта тема неисчерпаема, она «не стареет». Уже Пушкин употреблял глагол *стареет* с ударением на втором слоге, Некрасов же в данном случае предпочитает архаическую форму. Здесь он несколько похож на старца, поучающего «юношей» и отвергающего всякую новомодность:

...Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам.
Оплакивать их рок, служить им будет Муза...

Влачатся, тощие, покорствуя бичам — явственные отзвуки пушкинской «Деревни» (1819), нескрываемая цитация. Антикрепостнический пафос Пушкина, как видно, не устарел и после отмены крепостного права:

К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Где Муза, там, конечно, и лира, опять-таки как и в пушкинских стихах; и следующая строка некрасовской «Элегии» стала хрестоматийной — как бы эпиграфом ко всему творчеству поэта, произносимым с лирико-завещательной интонацией:

Я лиру посвятил народу своему.

Но это отнюдь не гарантия того, что народ возблагодарит посвященную ему лиру. У Некрасова есть стихи, в которых выражено горькое сомнение в этом («Я настолько же чуждым народу/Умираю, как жить начинал...», «И песнь моя бесследно пролетела,/И до народа не дошла она...»). В «Элегии» поэт тоже сомневается в признании народа:

Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...

Пускай наносит вред врагу не каждый воин.
Но каждый в бой иди.

Далее мысль поэта обращается к последствиям крестьянской реформы 1861 года. Решила ли отмена крепостного права большие проблемы крестьянской жизни? В поэме «Кому на Руси жить хорошо» сказано, что распавшаяся «цель великая», одним концом ударив по барину, другим ударила по мужику. В стихотворении «Как празднуют трусу» Некрасов с горечью замечает, что «В жизни крестьянина, ныне свободного, / Бедность, невежество, мрак». Сходный мотив прозвучал и в «Элегии»:

Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиление...
«Довольно ликовать в наивном увлеченье, —
Шепнула Муза мне. — Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Следующая строфа начинается риторико-стилистической фигурой, суть которой такова: что бы я ни делал: «Внимаю ль песни жниц...» и пр. (ср. у Пушкина: «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), — я занят одним. Слово *песни* — либо винительный падеж множественного числа от *песня* (и тогда глагол *внимаю* переходный), либо дательный единственного от *песнь*. Скорее, первое, хотя есть возможность двоякого понимания. Итак, что бы я ни делал поэт, он все время ищет ответ на вопрос о том, осчастливила ли свобода крестьян, внесла ли она перемену

В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?

Пушкин в авторских примечаниях к «Евгению Онегину» комментировал свой стих из IV главы «В избушке распевая, дева...»: «В журналах удивлялись, как можно было назвать девою простую крестьянку, между тем как благородные барышни, немного ниже, названы девчонками». Некрасовские слова, «напевы сельских дев» как бы солидарны с мнением Пушкина о том, что о поющей крестьянской девушке можно писать в высоком слоге.

Заключительная строфа «Элегии» начинается словами «Уж вечер настает». Они отсылают нас к строке из элегии Жуковского «Вечер»: «Уж вечер... Облаков померкнули края...» В XIX веке не забывали эту элегию старого мастера. Отрывок из нее, как раз начиная с указанной строки, вошел в либретто оперы Чайковского «Пиковая дама» (1890). Жанр элегии, то есть задумчиво-грустного стихотворения, привлекал Некрасова, автора стихотворных циклов «Последние элегии» и «Три элегии (А.Н. Плещееву)», последний создан в год написания рассматриваемого стихотворения, в котором слышен элегический отзвук из Жуковского.

В последней строфе лирический герой бродит в «прохладной полутьме», благословляет «сельские труды», шлет проклятия «народному врагу», молится за «друга» и поет:

И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзвуки,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта, —
Увы! не внимлет он — и не дает ответа...

У разных поэтов варьируется сходный мотив: пророк / проповедник / певец / поэт заморозил природу, которая благодарно прислушивается к нему, а вот живые люди, к которым он обращается, глухи, невосприимчивы к его вдохновенному слову. Некрасов, как видно, подключается к этой прочно сложившейся традиции. А заключительная строка прямо отсылает нас к концовке 1-го тома «Мертвых душ» Гоголя: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа». Это одно из многих обращений Некрасова к гоголевскому творческому опыту.